

Российская политическая наука в контексте "пространственного поворота"

Антон Александрович Киреев
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, antalkir@yandex.ru

Аннотация. На основе историко-сравнительного анализа процессов научной концептуализации «пространства» в статье рассматривается динамика вовлечения российской политической науки в методологическое движение, известное как «пространственный поворот». Освещаются происхождение и мировоззренческие основы современного (второго) пространственного поворота, его внутренняя структура. Выделяются три направления пространственных исследований в российской политологии, выявляется их методологическая специфика, намечаются перспективные задачи дальнейшего изучения пространства России.

Ключевые слова: *пространство, пространственные исследования, пространственный поворот, мировоззренческие основы науки, методология, российская политология*

Публикация выполнена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-511-93005\20

Для цитирования: Киреев А. А. Российская политическая наука в контексте "пространственного поворота" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 44–60. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/44-60

Original article
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/44-60

Russian political science in the context of the "spatial turn"

Anton A. Kireev
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, antalkir@yandex.ru

Abstract. Based on a historical and comparative analysis of the processes of scientific conceptualization of "space", the article examines the dynamics of the involvement of Russian political science in the methodological movement known as the "spatial turn". The origin and worldview foundations of the modern (second) spatial turn, its internal structure is highlighted. Three areas of spatial studies in Russian political science are identified, their methodological specificity is revealed, and promising tasks for further studying the space of Russia are outlined.

Key words: *space, spatial studies, spatial turn, worldview foundations of science, methodology, Russian political science*

For citation: Kireev A. A. Russian political science in the context of the "spatial turn" // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 44–60. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/44-60

Поводом к постановке центрального для этой статьи вопроса – вопроса о том, произошел ли в российской политической науке "пространственный поворот" – стало достаточно очевидное для всякого внимательного наблюдателя ускоряющееся проникновение темы такого поворота в отечественную научную литературу. В последнее десятилетие пространственный поворот превращается в предмет все более широкого очного или, чаще, заочного обсуждения, свою позицию в котором стремятся обозначить философы, социологи, историки, культурологи, экономисты и географы¹. Участие в нем, хотя пока сравнительно менее активное, принимают и представители политической науки.

Это обсуждение в настоящее время едва ли можно назвать научной дискуссией: позиции его участников обычно слишком расплывчаты, а возникающие между ними разногласия еще не оформились в четко выраженные линии противостояния. На мой взгляд, главной причиной того, что разворачивающийся обмен мнениями о пространственном повороте до сих пор не может достичь необходимой научной, и просто логической, строгости, а значит и продуктивности, является то, что он слишком часто проходит мимо узлового пункта "поворота" – а именно истолкования самой категории "пространство".

Без прояснения смыслов, вкладываемых в эту категорию (и целое семейство восходящих к ней пространственных понятий) разными исследователями, обсуждение пространственного поворота грозит так и остаться спором о словах. Если вести разговор о "пространстве" основываясь на индивидуальных или групповых ассоциациях, провоцируемых этим термином образах и метафорах, то вряд ли стоит рассчитывать на то, что он приведет к каким-либо теоретическим выводам и методологическим последствиям. Поэтому дискути-

¹ См. посвященные этой теме выпуски журналов "Топос" (2011, № 1) и "Диалог со временем" (2019, № 69), а также [5].

рованию вопросов актуальности пространственного поворота для российской науки, в целом, и политологии, в частности, оценке его нынешнего состояния и возможных перспектив, должно предшествовать рассмотрение научной концептуализации "пространства" в ее историко-сравнительном аспекте.

Учитывая сказанное, в рамках, заданных целью настоящего исследования, я постараюсь раскрыть три взаимосвязанных комплекса проблем: 1) основное содержание нынешнего пространственного поворота, т.е. лежащие в его основании изменения в позиционировании и трактовке категории "пространство"; 2) место, которое заняло "пространство" в понятийном аппарате современной российской политологии, и функции, которое оно выполняет в ее методологии; 3) перспективы дальнейшей проблематизации, концептуальной и теоретической разработки "пространства" в российской политической науке. Каждая из этих предметных областей сама по себе очень обширна, поэтому их характеристика неизбежно будет обзорной и схематичной. Автор надеется, однако, на то, что в предлагаемом кратком обзоре ему удастся выделить наиболее характерное и существенное.

Три традиции и два "поворота"

Если попытаться охарактеризовать нынешний пространственный поворот в первом приближении, то можно отметить два основных признака этого методологического движения. Во-первых, пространственный поворот предполагает помещение проблематики пространства в фокус предметного интереса социогуманитарного сообщества, что, так или иначе, сопряжено с вытеснением за границы этого фокуса проблематики временной, исторической. Во-вторых, от своих адептов "поворот" требует отношения к "пространству" ("пространствам") как к фундаментальному фактору, активной силе, а не просто внешней рамке социальных процессов.

Подобное предельно общее, абстрагирующееся от многих важных (на другом уровне анализа) деталей, истолкование современного пространственного поворота в приложении к истории социогуманитарных наук приводит к выводу, что данный поворот нельзя считать чем-то беспрецедентным. На рубеже XIX–XX вв. социогуманитарное знание уже переживало сопоставимое по масштабу методологическое обновление, включавшее в себя и переоценку сравнительной значимости пространственного и временного аспектов изучения общества, и переосмысление самого способа связи пространства и социальной реальности. Вместе с тем, этот более ранний пространственный поворот (далее будем именовать его "первым", в отличие от нынешнего, "второго", поворота) отличался от современного существенно иными содержательными трактовками "пространства", из которых вытекали и многие другие его особенности.

Сопоставление содержательных, концептуальных различий первого и второго пространственных поворотов, в свою очередь, заставляет обратиться к стоящим за ними более глубоким расхождениям мировоззренческого порядка. Источником изучаемых методологических поворотов, в конечном счете, являлось развитие онтологических и гносеологических установок исследователей, воспринимавшихся ими под влиянием культурного контекста своей эпохи, опосредованного ее философскими и идеологическими учениями. Эти мировоззренческие установки, которые можно сгруппировать в три научно-философских традиции – антропоцентризм, натуроцентризм и социоцентризм² – заслуживают более подробного рассмотрения.

Не касаясь происхождения упомянутых научно-философских традиций, отмечу, что их развитие в целом было параллельным, но неравномерным (волнообразным) и асинхронным. В Новое время (XVII–XVIII вв.) в западной философии и глубоко зависимой от нее науке борьбу за доминирование вели, прежде всего, традиции антропоцентризма и натуроцентризма, в каждой из которых сложились собственные и все более расходящиеся подходы к определению категории "пространство".

В различных монистических антропоцентрических онтологиях (Декарт, Ньютон, Кант), отпавлявшихся, так или иначе, от унаследованной

² Критерий разграничения трех традиций – разногласия в вопросе об онтологическом ядре реальности и важнейшем объекте познания. См.: [10].

от религиозного, теоцентрического сознания идеи всеобщего, абсолютного и трансцендентного субъекта, пространство трактовалось как вместительница всего сущего, как объемлющая форма, предзаданная "вещам" извне (субъектом)³. Будучи идеальной, ментальной формой, такое пространство характеризовалось исходной пустотой и однородностью, изотропностью, бесконечными протяженностью и делимостью (математической измеримостью). Подобная абсолютная трактовка пространства⁴ отвечала нуждам картографов и чиновников формировавшихся в это время в Европе централизованных национальных государств, пестрые земли которых было необходимо привести в рациональный политико-территориальный порядок [42].

Несколько позднее, к началу XVIII в., под совместным воздействием плюралистической натурфилософии (Лейбниц, Вольф, Монтескье)⁵ и описательной географии оформилась иная – реляционная – концепция пространства. В соответствии с ней, пространство следовало понимать как атрибут самих внеположенных субъекту "вещей", естественных и искусственных объектов. Такое производное от явлений, зависимое от их изменчивых свойств и отношений пространство утрачивало свою чистоту и прозрачность, и приобретало гетерогенность и относительность, анизотропность и конечность. Уже у Г. Лейбница реляционная концепция была тесно связана с представлением о множественности и даже иерархичности пространств физического и абстрактно-логического типа [4, с. 100–101; 26, с. 331–333].

В отличие от абсолютной, реляционная концепция пространства дольше сохраняла сугубо отвлеченный, внутрифилософский характер, не находя опоры в практических запросах европейских обществ. Существенно эта общественная ситуация изменилась лишь в XIX в., когда резкое ускорение торгово-экономического развития Запада привлекло широкое внимание к проблемам роста капиталистического рынка и роли в нем неоднородности экономического пространства, за которой, в свою очередь, проступала гетерогенность пространства природного. Под влиянием данной тенденции на протяжении всего этого столетия на базе реляционного видения пространства происходило сближение физической географии сначала с экономикой (политэкономией), а затем и другими социогуманитарными дисциплинами.

Лидером этого сближения наук и родиной первого пространственного поворота стала Германия. Еще в первой половине XIX в. здесь зарождается экономическая география, изучавшая связи между разнообразием и структурой природных ландшафтов и размещением аграрного, а позднее и промышленного, производства [24, с. 82–94]. Другим активно развивавшимся в Германии с середины XIX в. процессом являлась интеграция географического знания с антропологическими исследованиями. Целью этой интеграции было выявление природной основы расселения рас и этносов, а также распространения типичных для них форм материальной и духовной культуры.

И в экономико-географических, и в антропогеографических исследованиях основной стратегией каузального соединения организации природного пространства и морфологии различных сфер общественной жизни выступал географический детерминизм. При всей упрощенности этого способа научного объяснения, он давал возможность преодолеть застой в обширной области на границах естественных наук и обществознания, которая многие десятилетия не могла продвинуться дальше накопления картографических описаний и классификационных схем. Кроме того, географический детерминизм в целом достоверно отражал тот порядок субординированности естественных и социокультурных факторов структурирования общества, который преобладал на протяжении длительного исторического периода – всей доиндустриальной эпохи и начальной фазы индустриализации.

³ Постепенная трансформация в XVII–XVIII вв. теоцентризма в антропоцентризм была связана с переходом от религиозной идеи Бога-творца к философскому Богу-наблюдателю у деистов и, наконец, к индивидуальному Человеку как всеобщему субъекту-наблюдателю у Канта.

⁴ Позднее названная А. Эйнштейном "контейнерной".

⁵ До Лейбница натуроцентрическая философия, как и антропоцентрическая, имела монистический характер.

Ключевым этапом первого пространственного поворота явились 1880-е–1890-е гг., когда были опубликованы важнейшие труды немецкого географа, антрополога и этнографа Ф. Ратцеля. Решающее значение, которое для судьбы "первого поворота" имели исследования Ратцеля, было обусловлено сочетанием нескольких их особенностей – теоретизма (претензия на формулирование универсальных законов пространственной динамики обществ), методологической рефлексии (развертывание географического детерминизма в систему понятий и количественно измеримых показателей), междисциплинарности (использование знаний, концепций и подходов физической географии и биологии в решении проблем этнографии, социологии и политической науки) и прикладной ориентации (подготовка рекомендаций для правительства Германии, его внешней и внутренней политики) [25, с. 51–56].

За два десятилетия после публикации трудов Ратцеля, их влияние (как парадигмальных образцов постановки и решения пространственных проблем) вышло далеко за рамки географической науки. В этнографии под этим влиянием сформировалось вытеснившее в конце XIX в. классический эволюционизм учение диффузионизма. В политологии и отпочковавшейся от нее теории международных отношений эти труды способствовали зарождению такого научного направления как геополитика. В самой географии под определяющим воздействием идей Ратцеля и его учеников произошло предметное обособление политической географии и лимологии. Антропогеографическая школа имела множество последователей в наиболее развитых и политически активных государствах Европы, Северной Америки и Восточной Азии. Предложенный ею вариант натуроцентрической трактовки пространства, его организации и принципов изучения был с большим интересом встречен учеными и тех стран, где к тому времени уже сложились собственные, но теоретически менее разработанные научно-географические традиции (Великобритания, Франция, Россия) [35, с. 51–92; 44, р. 32–34].

Безусловно, содержание первого пространственного поворота нельзя свести к теории и методологии немецкой антропогеографии и результатам их рецепций и трансформаций в других дисциплинах и странах. Фронт пространственных исследований в Германии был значительно шире антропогеографической проблематики и различные участки этого фронта (в особенности на его экономико-географическом фланге) имели свою, автономную динамику [24, с. 82–97]. Однако, именно популярность антропогеографии и геополитики сыграла ведущую, авангардную роль в международном успехе первого пространственного поворота 1880-х–1920-х гг., проложив дорогу для экспансии других продуктов немецкой географической мысли.

Первый пространственный поворот не был простым триумфальным шествием идей немецких ученых за пределы Германии. Если первоначальной реакцией на общую концепцию детерминированности формы и эволюции общественных организмов природной средой их обитания, как правило, являлся благожелательный интерес, то в дальнейшем ее восприятие становилось все более критическим. Раньше и отчетливей чем где-либо это критическое отношение обнаружило себя во Франции. Уже у духовного вождя французского обществознания рубежа XIX–XX вв. Э. Дюркгейма оценка трудов Ратцеля была амбивалентной. Многочисленные ученики и последователи Дюркгейма, по существу, произвели ревизию немецкой антропогеографии и геополитики, скорректировав одни из их положений, и отбросив другие как неприемлемые. Явным свидетельством внутреннего кризиса "первого поворота" и наметившегося отхода от его методологических истоков стало выдвижение французскими географами принципа географического possibilизма. Новый принцип соотношения географических и социологических фактов, толковавший их причинную связь как вероятностную, а не однозначную, был скорее усовершенствованием, чем отрицанием географического детерминизма [25, с. 132; 44, р. 34]. Однако эта умеренная методологическая новация явилась симптомом значительно более глубоких и важных изменений гносеологического и онтологического порядка, обусловленных оформлением во Франции начала XX в. социоцентрического мировоззрения.

Социоцентризм, видящий в обществе реальность *sui generis* и ключевой объект познания, сложился в особую научную картину мира в рамках социологической школы Дюркгейма. Вместе с тем, его последовательный генезис,

важное место в котором занимали руссоистский абсолютизм "общей воли" и контровский проект "социальной физики", можно проследить, по крайней мере, с XVIII в. [15, с. 76–121; 36, с. 180–191]. Помимо французской ветви позитивизма, весомую роль в формировании социоцентризма сыграло гегельянство, а позднее – марксизм. Становление социоцентрического мировоззрения в науке происходило в борьбе как с апеллировавшей к неокантианству антропоцентрической, "качественной" социологией (М. Вебер), так и социологическим натуроцентризмом (Г. Спенсер и социал-дарвинисты), долгое время монополюно выступавшим от имени "единственно научной" позитивистской философии. К началу XX в. этой третьей традиции еще не удалось выработать своего собственного понимания пространства. Однако уже для первого поколения последователей Дюркгейма (М. Мосс, Л. Февр) было очевидно, что между натуроцентрическими реляционными трактовками пространства и, также все более реляционной, социоцентрической онтологией есть существенные противоречия, требующие разрешения.

Впрочем, внутринаучные споры и стоящее за ними противоборство мировоззрений не были главной причиной наметившегося к началу 1930-х гг. спада первой междисциплинарной волны пространственных исследований в обществознании. Важнейшие факторы завершения "первого поворота" лежали в сфере внешних, социально-политических условий существования науки. Углубление франко-германского противостояния и общий рост международной напряженности в ожидании новой мировой войны, дрейф ряда немецких представителей антропогеографии и геополитики к крайне правой части политического спектра и ответные изоляция или репрессирование сторонников этих направлений в научных сообществах стран-противников Германии резко затормозили развитие пространственных исследований. Крах блока держав Оси, международно-правовое осуждение их идеологии и практики и ассоциировавшихся с ними научных концепций и подходов закрепили эту тенденцию на десятилетия вперед.

Разумеется, и в послевоенный период изучение связей между пространством, человеком и обществом никогда не прерывалось полностью. Однако в 1950-е–1960-е гг. для него были типичны дистанцирование от концептуальных вопросов, эмпиризм, фокусировка на прикладных проблемах и локальных объектах. Основным оплотом пространственных исследований с 1930-х гг. становится урбанистика (социология города), ведущие позиции в которой первоначально занимала Чикагская социологическая школа, пытавшаяся (прежде всего, в лице Р. Парка) синтезировать в своей методологии познавательные перспективы всех трех научно-философских традиций [16, с. 110–139]. Полевые исследования такой гибридной среды обитания человека как индустриальный город наглядно продемонстрировали недостаточность прежних (натуро- и антропоцентрических) трактовок пространства. Концептуальный дефицит, с которым столкнулась урбанистика, послужил важной внутринаучной предпосылкой для нового пространственного поворота в обществознании, основной мировоззренческой базой которого на этот раз стал социоцентризм [9, с. 486–491].

В отличие от первого, второй пространственный поворот имел значительно более сложную страновую и дисциплинарную структуру, и более гетерогенное идейное содержание. Среди нескольких стран (Франция, Великобритания, США, ФРГ), ученые сообщества которых были наиболее активно и примерно одновременно⁶ вовлечены в это движение, выделить лидера практически невозможно. Еще более разнородно и полицентрично дисциплинарное поле "второго поворота". Даже если признать, что исходный импульс к нему дали "городские исследования" (как синтетическая область), то открытым остается вопрос о распределении ролей в совершении этого поворота между географическими и социологическими компонентами урбанистики⁷. Кроме

⁶ Ключевые работы зачинателей второго поворота (А. Лефевра, Д. Харви, М. Фуко, И-Фу Туана) появились в конце 1960-х–1970-х гг., однако международный масштаб это движение получило только в 1980-е гг.

⁷ По моему мнению, решающую роль во втором повороте сыграла социологизация урбанистики, географии и многих других ранее натуро- или антропоцентрически ориентированных наук. См. также статью В.Н. Украинского и Ж.Ж. Чемитдоржиева в этой рубрике.

того, по мере диффузии идей "второго поворота" в общественном сознании, в большинстве основных отраслей последнего образовались собственные его очаги, в динамике которых специфическая повестка зачастую заслоняет общую [3, с. 363–378; 9, с. 486–491].

Внутренняя рыхлость второго пространственного поворота, фактически объемлющего ряд разнонаправленных научных течений, методологические и особенно идеологические отношения между которыми очень напряженны, создает значительные трудности для попыток его обобщающей характеристики. Тем не менее, существует несколько предельно общих идей, которые в той или иной форме разделяются большинством представителей этого движения:

- Примат пространственной перспективы изучения общества перед временной. Для сторонников "второго поворота" характерен скептицизм в отношении всякого рода макроисторических теорий развития общества и сосредоточенность на синхронных формах его бытия;
- Плюралистичность пространства, неразрывно связанная с его реляционностью и релятивностью. Возрастающее разнообразие и изменчивость пространственных миров служат главным онтологическим аргументом в пользу необходимости и неизбежности пространственного поворота;
- Социальный генезис пространства. Адепты "второго поворота" в целом согласны в том, что все многообразные пространства создаются людьми, хотя и существенно расходятся в своих определениях способов и субъектов пространственного производства;
- "Критическая" миссия пространственных исследований. Участники поворота стремятся, в конечном счете, не к познанию, но к изменению наличных, созданных ранее пространств, с различной степенью радикализма, но, как правило, тесно увязывая научные задачи с этическими и политическими.

Наряду с общим содержанием, в динамике "второго поворота" трудно не заметить и серьезных противоречий, касающихся понимания его происхождения, философских оснований, методов и конечных целей. Существование этих противоречий дает возможность выделить во внутренней структуре "второго поворота", по меньшей мере, три относительно самостоятельных течения. Первое и основное из этих течений, имеющее марксистские (точнее – неомарксистские⁸) основания, наиболее последовательно развивает социоцентрические взгляды на пространство. Признанным корифеем этого течения является французский философ и социолог А. Лефевр, применивший переосмысленный им концептуальный аппарат исторического материализма к проблемам пространственной организации общества, прежде всего, городского. Отправляясь от категорий "практика" и "способ производства", Лефевр показал географическую и историческую вариабельность, социальную фабрикуемость пространства. Механизм производства социального пространства был раскрыт им как процесс диалектического взаимодействия трех его типов (фаз) – мыслимого, проживаемого (объективированного) и связующего их воспринимаемого (т.е. собственно практического) пространств [21, с. 50–59]. Своей диалектической и реляционно-практической трактовкой пространства Лефевр стремился преодолеть то, что он назвал "двойной иллюзией" – сведение пространства к одному из полюсов бинарной оппозиции объективного/ субъективного [21, с. 41–44]. Сторонники реляционно-практического подхода ("третьего пути") Лефевра, прежде всего, в географии и социологии (Д. Харви, Э. Соджа, Р. Шилдс, Ф. Джеймисон, в определенной мере П. Бурдьё, М. Кастельс и Э. Гидденс) значительно расширили круг изучаемых пространственных практик, их агентов и технологий, открыли новые разновидности социальных пространств и описали новые механизмы их взаимодействия друг с другом и географической (физической) средой [6; 17; 43; 46; 47].

Если основному, неомарксистскому, течению в общем русле "второго поворота", так или иначе, присущ социалистический реформизм и надежды на трансформацию государства и его пространственной политики, то для постмодернистского течения в нем характерны более радикальные, крайне левые воззрения. Сильное идеологическое влияние на это течение оказал анархизм, а в гносеологическом аспекте – поздний антропоцентризм (философия жизни,

⁸ Значительное влияние на это течение оказала философия Франкфуртской школы.

феноменология, экзистенциализм) в той его синтетической переработке, которой он подвергся у постструктуралистов, начиная с М. Фуко. Также связывая генезис пространства с практиками, постмодернисты уделяют основное внимание дискурсивным практикам, порождающей, перформативной активности воображения, речи и письма [1; 11; 38; 41; 45]. Проводя символические границы, создавая различия и идентичности, дискурсивные практики постоянно конструируют и реконфигурируют социальные пространства. С точки зрения постмодернистов (Ж. Делёз, Ф. Гваттари, Э. Саид, А. Аппадурани, Д. Мэсси), это пространственное творчество должно выполнять освободительную миссию: его задачей является разрушение "больших пространств", созданных национальными, имперскими и колониальными мифами Модерна, и утверждение локальных пространственных нарративов ("гетеротопий"), воплощающих подавляемые во имя этих мифов ценности и желания индивидов и меньшинств. Акцент на структурах сознания и знаково-символической деятельности обусловил популярность данного течения среди представителей гуманитарных наук, видящих в пространственном повороте продолжение поворотов лингвистического и культурного [3, с. 8–9].

Обособленное и наименее заметное место в структуре пространственного поворота занимает третье течение, которое можно назвать постпозитивистским. Его сравнительно меньшая известность связана с относительной аполитичностью, академизмом и более выраженной преемственностью с наследием первого, натуроцентрического, поворота [34]. Представители этого течения (Ф. Перру, Т. Хагерстранд, Дж. Фридман, М. Портер, М. Фуджита, П. Кругман) продолжают разрабатывать традиционную для экономической географии проблематику неоднородности пространства и неравномерности его развития. Вместе с тем, природная обусловленность гетерогенности экономического пространства в их исследованиях все более замещается ее институциональной, т.е. социальной, генерируемостью, а экономическая география поглощается пространственной экономикой, или пространственным общественным знанием. Это устойчивое смещение неопозитивистского течения в направлении социоцентризма и позволяет рассматривать его в качестве одной из составляющих "второго поворота".

В своем совместном, но разновекторном движении три названных течения на протяжении 1980-х–1990-х гг. распространили идеи "второго поворота" практически по всему дисциплинарному полю социогуманитарной науки стран Запада. Однако интенсивность и глубина проникновения этих идей в разные дисциплины оказалась весьма неодинаковой. Одной из наименее затронутых ими научных отраслей остается политическая наука. Несмотря на то, что в рамках "большой политической науки" давно и стабильно развиваются такие пространственно ориентированные предметные области как политическая география, геополитика, политическая регионалистика и глобалистика, участие политологов в методологических дискуссиях, сопровождающих "второй поворот", эпизодично. За исключением некоторых направлений теории международных отношений (критическая геополитика, мир-системный анализ, транснационализм, конструктивизм) [28; 39, с. 155–163, 211–212], социоцентрическая трактовка пространства, проблематизация отношений между физическим, социальным и политическим пространствами и даже само включение последних в понятийный аппарат науки для современной западной политологии нехарактерны⁹. Такая отчужденность политологического мейнстрима от второго пространственного поворота, по-видимому, обусловлена не столько его методологическим, сколько политико-идеологическим содержанием. Многих "системных" политологов на Западе отталкивает чересчур критический пафос крайне левого крыла этого движения, его нигилизм в отношении государства и нации – традиционных объектов и бенефициаров политологического знания. Не менее сильное влияние этот устойчивый ореол политического радикализма оказывает на динамику второго пространственного поворота и в России.

⁹ Так, в известном систематическом обзоре достижений мировой политической науки [27] не освещаются ни пространственные исследования политики, ни понятие "политическое пространство".

Пространственная проблематика в развитии российской политологии

Отечественная наука, исторически тесно связанная с континентальной европейской, не была в стороне от эволюции научных представлений о пространстве. Уже на рубеже XIX–XX вв. российские географы, а вслед за ними историки, социологи, этнографы и экономисты были активно вовлечены в движение, названное выше "первым пространственным поворотом". Однако в начале 1930-х гг. натуроцентрическая антропогеографическая школа в СССР была разгромлена как "буржуазная" и даже "расистская" [32, с. 168, 180–184]. С этого времени в советской науке вновь возобладало более раннее, антропоцентрическое и монистическое, понимание пространства как чистой доски, на которую "всеобщий субъект" (государство) может произвольно (политически целесообразно) наносить границы административных и плано-экономических районов для последующего размещения в образовавшихся территориальных ячейках необходимого количества военных объектов, предприятий и населенных пунктов [24, с. 160–164, 177–181, 204–207]. При этом подходе любой тип пространства страны должен был стать проекцией политического пространства в том его виде, в каком оно существовало в головах узкого круга партийных руководителей, принимавших стратегические решения.

Следует заметить, что господство подобной универсалистской пространственной перспективы, дедуктивно развертываемой "сверху вниз" – от постановления ЦК и союзного пятилетнего плана до планов отраслевого и районного значения – в советский период никогда не было полным. На локальном уровне, в ходе предплановых разработок и послеплановых корректировок, определенный вес сохраняло конкретное научное знание, выводы и оценки специалистов. Именно на этом нижнем, эмпирическом и прикладном, этаже советской пространственной политики, прежде всего, в кругах физико- и экономико-географов, сохранялись традиции натуралистического видения пространства, уважения к его внутренней, структурной сложности и неподатливости для политических воздействий [24, с. 204–207; 32, с. 168–170].

В 1960-е–1970-е гг. в СССР наметилась отчетливая тенденция к взаимному методологическому сближению географии, экономики и социологии. Несмотря на сходство с процессами, происходившими в это время в западной науке, судя по всему, она имела в целом независимое происхождение. Формирование социально-экономической географии являлось своего рода формой признания (и попыткой компенсации) падающей эффективности гиперцентрализованной модели планирования, слишком часто пренебрегавшей объективными ограничениями природной и общественной среды. В этом контексте, особенно в связи с изучением процессов урбанизации, были сделаны первые шаги в направлении концептуализации природного (физико-географического) и социального (общественного) "пространств", описания их состава и структуры, и выявления порядка их отношений [19, с. 259–261; 22, с. 54–87].

Дифференциация научных определений пространства, за которой уже просматривались мировоззренческие расхождения между авторами, в этот период не привела, однако, к выделению понятия "политическое пространство". Советская политическая наука, формально возникшая на рубеже 1950-х–1960-х гг. [14, с. 25–42], до второй половины 1980-х гг. оставалось, по сути, умозрительным институционально-правовым государствоведением, особенно жестко связанным с коммунистической идеологией и официальным монистическим антропоцентризмом. Постановка каких-либо концептуальных вопросов о пространстве в это время могла иметь место только в рамках такой относительно более свободной ветви советской политологии как внешнеполитический анализ [14, с. 43–122]. Представители этого прикладного и прямо вовлеченного в борьбу с буржуазной мыслью научного направления раньше других в СССР обратили внимание на трансформацию, происходившую в теоретических основаниях зарубежной политической географии и геополитики.

В последние годы советской истории, в условиях ослабления идеологического контроля, это хорошее знакомство с западной теорией международных отношений вкупе с живыми еще традициями насильственно прерванного "первого поворота" послужили предпосылками для роста числа публикаций политико-географической и геополитической тематики. Однако подлинный взрыв интереса к геополитической теории и методологии пришелся на 1990-е

гг., когда общественно-политическая среда развития науки качественно изменилась.

Распад СССР, появление тысяч километров новых границ и территориальных конфликтов, изменение состава и структуры международного окружения России и ее собственного федеративного устройства, реконфигурация сети трансграничных и внутренних материальных, людских и информационных потоков и связанных с ними проблем безопасности – все это не могло не подталкивать к пространственному переосмыслению предмета политической науки. К тому же подвигало и неожиданно быстрое крушение системы советского марксизма, с характерным для него приоритетом исторического, диахронно-линейного ракурса изучения общества, оставившее после себя грудку неразрешенных теоретических и особенно практико-политических вопросов.

Увлечение геополитическими исследованиями стало самой первой и массовой реакцией на острый кризис начала 1990-х гг. В фокусе этого направления пространственных исследований в постсоветской политологии оказались проблемы геополитического положения и потенциала России, сопряженных с ними факторов, ресурсов и интересов, вопросы возникновения "центров силы" и отношений баланса и конфликта между ними, размещения, оформления и функционирования государственных границ, средств и методов контроля на пространстве (территорией) [2, с. 19–35; 7, с. 26–36; 32, с. 89]. Хотя подавляющая часть отечественных геополитических исследований сосредоточена на проблемах национально-государственного уровня, их объектами выступают также внутрироссийские и международные регионы, и мировая система в целом. Необходимо отметить, что с начала 1990-х гг. обширное сообщество российских геополитиков отличалось чрезвычайной разнородностью – в его состав вошли как профессиональные географы (П.Я. Бакланов, А.Б. Елацков, Н.В. Каледин, В.А. Колосов, Р.Ф. Туровский, В.Г. Шведов) так и философы (А.С. Панарин), историки (С.В. Хатунцев), филологи (В.Л. Цымбурский). Это определило крайнее разнообразие методологического инструментария российской геополитики, в котором, впрочем, преобладали и преобладают теоретические или спекулятивные методы, нацеленные, прежде всего, на вторичный анализ, критику и переработку западных концепций [18, с. 162–173].

Характерной, давней особенностью геополитического направления в политической науке является активное использование метафор и недостаточный интерес к строгим научным дефинициям. Тем не менее, в той мере, в какой понятийный аппарат геополитики все же успел сформироваться, одним из основных его элементов стало понятие "геополитическое пространство (поле)". В работах отечественных геополитиков "геополитическое пространство" (как вид географического) описывается обычно как сложная, многослойная и разномасштабная реальность, организованная не только природными, но и искусственными объектами, а также геополитическими интересами государств и иных политических игроков. Несмотря на подчеркнутое внимание к физической структуре земной поверхности и обязательные ссылки на классиков геополитики, ее современные российские представители в большинстве своем далеки от географического детерминизма: значительно более среди них распространено представление о взаимной обусловленности типологически различных (природных, социальных, политических) слоев "геополитического пространства" [2, с. 22–35; 7, с. 26–36, 51–63; 18, с. 18–19].

Несколько позднее, около середины 1990-х гг., в том числе в ответ на "приземленный" материализм геополитики, возникло второе направление пространственных исследований, которое можно назвать политико-культурным (Д.Н. Замятин, В.Л. Каганский, С.А. Королев, О.Ю. Малинова, О.А. Лавренова). Проблематика этого направления отечественной политологии охватывает изучение структур и топологий российского политического сознания, формирующих их идей, образов, символов, ценностей и поведенческих стереотипов, анализ их генезиса, отношений и функционирования в дискурсивных практиках, воплощения в индивидуальных и коллективных идентичностях. Представителей политико-культурного направления интересуют как образы и размежевания национального и цивилизационного масштаба (Россия – Запад, Европа – Азия), так и ментальная дифференциация между локальными общностями, городами и регионами. При этом, задача изучения массовых форм политического сознания, требующая использования статистических

инструментов, ставится довольно редко: чаще всего политико-культурные исследования обращены к дискурсам властных и духовных элит, которые, в свою очередь, обычно сводятся к определенному набору персональных кейсов. Имея, как правило, гуманитарное образование, представители политико-культурного направления предпочитают работать в рамках семиотического, герменевтического и психологического подходов.

Базовой, интегрирующей категорией для этого направления в политологии выступает "символическое"¹⁰ пространство". Под ним может пониматься как общая "картина (политического) мира", свойственная тому или иному коллективному или индивидуальному субъекту политики, так и специализированная устойчивая констелляция образов, обеспечивающая возможность конкретного типа политической деятельности (электоральной, партийной, протестной и т.д.) [20]. В качестве особой разновидности символического пространства, некоторыми учеными этого направления выделяется "геокультурное пространство", образуемое совокупностью представлений субъекта о составе и структуре своего географического (в т.ч. политико-географического) окружения [12; 23; 32, с. 76–87]. Политико-культурным трактовкам пространства присущ плюралистический антропоцентризм¹¹, идея о дискурсивной заданности любого пространства, что, с одной стороны, объясняет необходимую множественность и изменчивость символических пространств, а с другой, затрудняет выявление их связей с недискурсивными социальными и природными факторами.

Третье направление пространственных исследований в отечественной политологии, становление которого относится к концу 1990-х гг., может быть определено как политико-социологическое (К.Э. Аксенов, А.С. Ахременко, О.И. Вендина, С.В. Патрушев, Г.В. Пушкарева, А.А. Сергунин, Л.В. Смирнягин, Л.Е. Филиппова). Проблематика этого направления включает изучение форм политической (поведенческой, идеологической, институциональной) репрезентации социальной (профессиональной, поселенческой, этнической, конфессиональной, региональной) структуры российского пространства и происходящих в нем процессов (дифференциации, интеграции, мобильности), а также анализ обратного регулирующего воздействия на них политической власти (государства) средствами региональной, национальной, демографической и иных политик. К этому направлению примыкают исследования в области социологии международных отношений, обращенные к проблемам развития трансграничных связей и общностей, вовлечения российского общества и государства в процессы трансграничной регионализации и регионостроительства (С.В. Голунов, В.А. Колосов, А.С. Макарычев, Н.М. Межевич, И.Л. Прохоренко, Г.М. Федоров) [32, с. 51, 88, 90]. При всей методологической разнородности и междисциплинарности, использовании широкого спектра естественнонаучных и социогуманитарных методов, политико-социологическое направление в наибольшей степени тяготеет к эмпирическим, в т.ч. полевым, исследованиям, основанным на применении количественных и качественных методов работы с респондентами и/или текстовыми источниками.

Основным для политико-социологического направления является понятие "политическое пространство (поле)", которое трактуется как особый вид "социального пространства". При этом под "политическим пространством" понимаются любого рода социальные различия, позиции и диспозиции, реализующие себя в системе политических отношений и взаимодействий. Представители данного направления часто подчеркивают связь политического и других, неполитических (социальных, экономических, культурных) полей общества, а также внутреннюю сложность, многомерность самого политического поля, состоящего из публичной и непубличной, институциональной и неформальной сфер, глобального, национального, регионального, муниципального и иных уровней. Широко разделяется ими и идея о зависимости конфигураций, возникновения и разрушения пространственных политических структур от поведения различных социальных агентов, изменений в их групповых или

¹⁰ Варианты: идейно-символическое пространство, семантическое пространство, культурное пространство, ментальное пространство.

¹¹ В этом отношении они близки к постмодернистскому течению второго поворота.

массовых практиках [29; 30; 40]. В силу явного онтологического и методологического социоцентризма политико-социологическое направление в российской политологии наиболее близко ко второму пространственному повороту, и особенно к неомарксистскому течению в нем, с которым его роднит интерес не только к дискурсивным, но и предметным (физическим) практикам, к политической деятельности в самом полном ее объеме. Со "вторым поворотом" это научное направление сближает и сравнительно более выраженная "критичность"¹² – внимание к проблемам пространственного социального неравенства, периферийности, дискриминации и маргинализации, и их отображению (или игнорированию) в политическом поле страны, его расколах и конфликтах.

***

Первое постсоветское десятилетие в развитии политических исследований российского пространства не было отмечено заметными теоретическими и концептуальными достижениями, что понятно, учитывая непродолжительность этого периода и очень жесткие социально-экономические условия, в которые была поставлена наука. Главным результатом совместной работы трех направлений исследований в эти годы стало разностороннее описание исключительной гетерогенности пространства России, которое "на фактах" опровергало официальный пространственный монизм, долгое время довлевший над отечественной наукой. Тем самым были созданы условия для признания пространственной проблематики необходимой, обязательной частью предмета российской политологии.

С середины 2000-х гг. политические исследования пространства переживают трансформацию, связанную с меняющейся ролью в них государства. Изменения охватили, прежде всего, сам объект данных исследований: централизация и усиление авторитарных черт в политической системе России существенно упростили и гомогенизировали ландшафт российской политики, уменьшили количество и разнообразие ее активных участников и снизили интенсивность и остроту их отношений. Вместе с объектом изменился и субъект пространственных исследований: с сокращением числа их негосударственных заказчиков и спонсоров¹³ закономерно поредели ряды и самих исследователей. Наконец, реструктуризации подверглась и предметная область исследований: возобновление во второй половине 2000-х гг. стратегического планирования в сфере пространственной политики привело к переключению многих ученых (особенно из структур РАН) с разработки инициативных тем на выполнение государственных заданий и программ [8; 33, с. 287–289].

"Возвращение государства" оказало неоднозначное воздействие на состояние пространственных исследований в российской политологии второй половины 2000-х–2010-х гг. На фоне общего снижения исследовательской активности и сужения ее проблемного фронта, в этой области, в то же время, оживились процессы внутренней консолидации и упорядочения. Появление в эти годы серии работ, претендовавших на рефлекссию пройденного пути и систематизацию уже сделанного в изучении российского пространства, а в некоторых случаях и на теоретические обобщения [13; 31; 33, с. 274–311; 37], способствовало разворачиванию научных дискуссий и самоидентификации исследователей, их объединению в сообщества по проблемным и географическим интересам, а также методологическим предпочтениям. В определенной степени это структурирование политико-пространственных исследований вышло на институциональный уровень, воплотившись в ряде фокусирующихся на данной проблематике журналов¹⁴, специализированных подразделениях

¹² См. подробнее в статье Л.Е. Бляхера.

¹³ В особенности после ограничения деятельности в России иностранных грантодателей.

¹⁴ "Ab Imperio", "Балтийский регион", "Регионология", "Сравнительная политика" и ряд других.

РАПН¹⁵ и проводимых под их эгидой регулярных конференциях, семинарах и иных формах научной коммуникации.

В изменившихся условиях все три основных направления пространственных исследований в российской политической науке, возникшие в 1990-е гг., продолжили свое развитие. Вместе с тем, вмешательство государства, его целеполагание и финансирование внесли заметные коррективы в соотношение их сил и сфер влияния. Геополитическое направление исследований пространства, переживавшее некоторый спад в конце 1990-х и начале 2000-х гг., в дальнейшем по мере прогрессирующего ухудшения отношений России с Западом и актуализации повестки традиционной и нетрадиционной безопасности, обрело "второе дыхание" и поддержку со стороны государственных структур. Напротив, для политико-социологического направления, растущая озабоченность власти проблемами внешней, а вместе с ней, и внутренней безопасности сыграла в целом негативную роль, став фактором падения востребованности и торможения развития. Что касается наименее "политизированного" политико-культурного направления, то в его относительно автономной эволюции в 2000-е–2010-е гг. такого выраженного циклизма не наблюдалось.

Перспективы политических исследований российского пространства

Неоднозначная динамика пространственных исследований в отечественной политологии 2000-х–2010-х гг., углубляющиеся, а не преодолеваемые методологические расхождения между их основными направлениями во многом объясняют противоречивость оценок вовлеченности этой науки во второй пространственный поворот. Наряду с энтузиазмом и ожиданиями полномасштабной научной революции, обсуждение темы поворота все чаще вызывает у ее участников скепсис, касающийся как перспектив этого движения, так и самой его необходимости в России¹⁶.

На мой взгляд, современное состояние политико-пространственных исследований в России дает основания говорить о том, что, по крайней мере, часть основополагающих идей второго пространственного поворота уже вполне прочно укоренилась (в т.ч. независимо от процессов в западной науке) в российской политологии.

Во-первых, многие, если не большинство, российских политологов оказывают явное предпочтение пространственному (глобальному, национальному, региональному, локальному) ракурсу анализа объекта своей науки перед временным¹⁷. Подобное предпочтение вряд ли можно считать результатом влияния западной мысли: распространенное избегание больших исторических нарративов, теоретических исследований долгосрочной общественно-политической динамики скорее является реакцией на длительное пребывание отечественного общественнознания в историософских тисках казенного марксизма.

Во-вторых, для российской политологии в целом давно перестала быть новой идея о плюральности пространств, в которых разворачиваются политические отношения, и о внутренней пространственной многомерности самой политики. Усвоение этой идеи также нельзя свести только к отклику политической науки в России на второй пространственный поворот: не менее сильным аргументом в пользу нее стали реалии российской политической жизни, вскрытые ее эмпирическими исследованиями, начатыми в 1990-е гг.

В-третьих, при всех расхождениях в концептуальных трактовках различных пространств, представление об их социальном генезисе сегодня, как правило, не встречается среди политологов каких-либо принципиальных возражений. Роль второго поворота состояла не столько во внедрении в сознание российских политологов социоцентрических установок (в основном разделявшихся ими и ранее), сколько в распространении последних на пространствен-

¹⁵ Исполнительные комитеты РАПН по политической регионалистике (с 2006 г.) и геополитике (с 2008 г.).

¹⁶ См. [5], а также выпуск журнала "Топос" (2011, № 1).

¹⁷ Отдельного рассмотрения требует вопрос о степени осознанности такого познавательного выбора.

ные структуры, и привлечении внимания к сильно дискредитированной в 1990-е гг., но имеющей огромный методологический потенциал категории "практика" [4; 37].

Пожалуй, единственным, хотя и весьма важным принципом "второго поворота", который пока плохо прививается на российской почве, является его "критическая" ориентация. Если понимать по ней левацкие, скорее анархистские, чем марксистские по происхождению, требования скорейшего освобождения индивида и общества от государственного и любого иного централизованного принуждения, их радикального самоопределения и самоуправления, то среди российских политологов они получили поддержки еще меньше, чем среди их западных коллег. В этом, безусловно, сказывается опыт новейшей смуты 1990-х гг., показавшей какую цену приходится платить обществу за слишком поспешный демонтаж властной вертикали. В свете этого опыта неудивительно, что большая часть российского политологического сообщества восприняла возвращение государства в качестве "всеобщего субъекта", собирающего и структурирующего вокруг себя мозаику российских политических и неполитических пространств, вполне лояльно.

Означает ли это, что критический дух "второго поворота" чужд российским политико-пространственным исследованиям, и они готовы вновь подчинить себя задаваемой "сверху" парадигме абсолютного пространства, пространства-"контейнера", а точнее огромного "бюро", количество, форма и содержимое территориальных "ящиков" которого определяются только потребностями и удобствами государственного управления? Сохранение разнообразия проблематик, методологий и мировоззренческих оснований изучения пространства в отечественной политологии указывает на то, что это не так. Признание жизненной важности государственно-бюрократического пространства, выполнение интегрирующих функций которого в условиях экстремальной гетеротопности и гетерохронности России нередко объективно требует упрощенного, "контейнерного" мышления, неравнозначно принятию этого пространства и этого мышления в качестве единственно возможных.

Подлинная миссия политической науки состоит не в оправдании или, напротив, разоблачении идеологемы "единого политического пространства", являющейся, по сути, необходимым условием существования любого государства. Она заключается в систематическом выявлении пределов ее применимости, выход за которые может быть деструктивным для других российских пространств, формируемых "снизу", и, в конечном счете, угрожать стабильности и целостности того же государства. Именно такая, ограничивающая, а не отрицающая, пространственная "критика", наиболее практически перспективна и в наибольшей мере соответствует современному пониманию российским политологическим сообществом своей роли в отношениях с государством и обществом.

Следует подчеркнуть, что очерченные общие идейные ориентиры второго пространственного поворота (даже в их адаптированном виде) не могут заменить политико-пространственным исследованиям в России формулирование собственной программы. Несмотря на всю важность международной конкуренции и кооперации, развитие национальной науки измеряется не приближением к некому "мировому уровню", но способностью решать актуальные проблемы своего общества.

Исходя из этих проблем можно предположить, что долгосрочные перспективы политических (и неразрывно связанных с ними неполитических) пространственных исследований в нашей стране будут связаны с реализацией ряда крупных задач, так или иначе, выходящих за нынешние рамки "второго поворота":

1) построение обобщающей результаты эмпирических описаний теоретической модели пространственной сложности российского общества, на междисциплинарном понятийном языке представляющей многомерную организацию его политических и неполитических пространств в ее вертикальном (типологическом и полимасштабном) и горизонтальном (топологическом) разрезах;

2) выявление интегрирующих пространственные структуры разного масштаба и типа стихийных и управляемых циклов обмена практиками, ин-

формацией и ресурсами, а также зон межпространственной напряженности и конфликта;

3) объяснение механизмов генезиса, развития и распада социальных пространств в процессах взаимодействия практик, потоков информации и ресурсов, и реконструкция на этой базе многолинейной истории пространственных структур России, включая коэволюцию ее политических и неполитических пространств.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 286 с.
2. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.
3. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
4. Бедаш Ю. Пространство как проблема постметафизической философии // Топос. 2009. № 1 (21). С. 94–113.
5. Бляхер Л.Е., Демьяненко А.Н., Киреев А.А., Клиценко М.В., Ламашева Ю.А., Лебедева М.М., Леонтьева Э.О., Малкова Н.Ю., Украинский В.Н., Ярулин И.Ф., Ячин С.Е. "Пространственный поворот" и его интерпретация в российской науке и институциональной практике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2. С. 46–59.
6. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
7. Бурлаков В.А. Проект "Туманган" и игра геополитических интересов в Северо-Восточной Азии в 90-е годы XX века: Монография. Владивосток: ВГУЭС, 2007. 224 с.
8. Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / Ред. В.М. Котляков, А.Н. Швецов, О.Б. Глезер. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. 365 с.
9. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
10. Гуревич П.С., Философская антропология. М.: Издательство "Омега-Л", 2010. 607 с.
11. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
12. Дружинин А.Г. Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. 114 с.
13. Замятин Д. Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: "Языки Славянской Культуры". 2006.
14. История Российской ассоциации политической науки / под ред. С. В. Патрушева, Л. Е. Филлиповой. М.: Аспект Пресс, 2015. 356 с.
15. История теоретической социологии. В 4-х т. Т.1 / Отв. ред. Ю.Н. Давыдов. М.: Канон + ОИ "Реабилитация", 2002. 496 с.
16. История теоретической социологии. В 4-х т. Т.2 / Отв. ред. Ю.Н. Давыдов. М.: Канон + ОИ "Реабилитация", 2002. 560 с.
17. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 608 с.
18. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 479 с.
19. Краткий словарь по социологии / Под общей редакцией Д.М. Гвишиани и Н.И. Лапина. М.: Политиздат, 1989. 479 с.
20. Лавренова О.А. Игры с пространством // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 1. С. 178–196.
21. Лефевр А. Производство пространства. М.: Стрелка, 2015. 432 с.
22. Лямин В.С. География и общество (Философские и социологические проблемы географии). М.: Мысль, 1978. 309 с.
23. Манаков А.Г. Геокультурное пространство Северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: "Возрождение", 2002. 300 с.
24. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
25. Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М.: Конкорд, 1996. 148 с.
26. Нарский И.С. Западноевропейская философия XVII века. М.: Высшая школа, 1974. 379 с.
27. Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. 814 с.
28. Прозрачные границы. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России/ Под ред. Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. М. - Волгоград, 2002 // Научно-об-

разовательный форум по международным отношениям: [сайт]. URL: <http://www.obraforum.ru/book/chapter1.htm> (дата обращения: 8.01.2022).

29. Прохоренко И.Л. Пространственный подход в исследовании международных отношений. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 111 с.
30. Пушкарева Г.В. Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 166–176.
31. Смирнягин Л.В. Судьба географического пространства в социальных науках // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 4. С. 7–19.
32. Социально-экономическая география в России / Под общ. ред. П.Я. Бакланова и В.Е. Шувалова. Владивосток: Дальнаука, 2016. 326 с.
33. Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии: Научное издание / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2015. 464 с.
34. Суворова А.В. Теоретические основы исследования экономического пространства: эволюция подходов // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 3. С. 629–642.
35. Тихонравов Ю.В. Геополитика: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2000. 269 с.
36. Федорова М.М. Классическая политическая философия. М.: Весь Мир, 2001. 224 с.
37. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб., 2008. 285 с.
38. Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.
39. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2006. 590 с.
40. Экспертное обсуждение концепции конституирования политического поля и политического пространства в России / Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 73 с. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Expert_discussion_18_10_2017.pdf (дата обращения: 15.01.2022).
41. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996. 229 p.
42. Elden S. Missing the point: globalization, deterritorialization and the space of the world // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2005. № 30. P. 8–19.
43. Harvey D. *Rebel cities: from the right to the city to the urban revolution*. London, New York: Verso, 2012. 187 p.
44. Laine J.P. Understanding Borders: Potentials and Challenges of Evolving Border Concepts // *Borders and Transborder Processes in Eurasia* / Ed. Sergei V. Sevastianov, Paul Richardson, and Anton A. Kireev. Vladivostok: Dalnauka, 2013. P. 30–44.
45. Said E.W. *Orientalism*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1978. XIII, 368 p.
46. Shields R. Social Spatialization and the Built Environment: The West Edmonton Mall // *Environment and Planning D: Society and Space*. 1989. Vol. 7. No. 2. P. 147–164.
47. Soja E. *Thirdspace. Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined places*. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1996. 334 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshhestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma*. M.: Kanon-Press-TS: Kuchkovo pole, 2001. 286 s.
2. Baklanov P.YA., Romanov M.T. *EHkonomiko-geograficheskoe i geopoliticheskoe polozhenie Tikhookeanskoj Rossii*. Vladivostok: Dal'nauka, 2009. 168 s.
3. Bakhmann-Medik D. *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukakh o kul'ture*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 504 s.
4. Bedash YU. *Prostranstvo kak problema postmetafizicheskoj filosofii* // *Topos*. 2009. № 1 (21). S. 94–113.
5. Blyakher L.E., Dem'yanenko A.N., Kireev A.A., Klitsenko M.V., Lamasheva YU.A., Lebedeva M.M., Leont'eva E.H.O., Malkova N.YU., Ukrainskij V.N., YArulin I.F., YAchın S.E. "Prostranstvennyj povorot" i ego interpretatsiya v rossijskoj nauke i institutsional'noj praktike // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2021. № 2. S. 46–59.
6. Burd'e P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva*. M.: Institut ehksperimental'noi sotsiologii. SPb.: Aleteiya, 2007. 288 s.
7. Burlakov V.A. *Proekt "Tumangan" i igra geopoliticheskikh interesov v Severo-Vostochnoj Azii v 90-e gody KHKH veka: Monografiya*. Vladivostok: VGUEHS, 2007. 224 s.
8. *Vyzovy i politika prostranstvennogo razvitiya Rossii v XXI veke* / Red. V.M. Kotlyakov, A.N. SHvetsov, O.B. Glezer. M.: Tovarishhestvo nauchnykh izdanij KMK, 2020. 365 s.
9. Giddens EH. *Ustroenie obshhestva. Oчерk teorii strukturatsii*. M.: Akademicheskij proekt, 2003. 528 s.
10. Gurevich P.S., *Filosofskaya antropologiya*. M.: Izdatel'stvo "Omega-L", 2010. 607 s.
11. Delyoz ZH., Gvattari F. *Tysyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya*. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010. 895 s.

12. Druzhinin A.G. Teoreticheskie osnovy geografii kul'tury. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKNTS VSH, 1999. 114 s.
13. Zamyatin D. N. Kul'tura i prostranstvo. Modelirovanie geograficheskikh obrazov. M.: "Yazyki Slavyanskoj Kul'tury". 2006.
14. Istoriya Rossijskoj assotsiatsii politicheskoy nauki / pod red. S. V. Patrusheva, L. E. Filippovoj. M.: Aspekt Press, 2015. 356 s.
15. Istoriya teoreticheskoy sotsiologii. V 4-kh t. T.1 / Otv. red. YU.N. Davydov. M: Kanon + OI "Reabilitatsiya", 2002. 496 s.
16. Istoriya teoreticheskoy sotsiologii. V 4-kh t. T.2 / Otv. red. YU.N. Davydov. M: Kanon + OI "Reabilitatsiya", 2002. 560 s.
17. Kastel's M. Informatsionnaya ehpkoha: ehkonomika, obshhestvo i kul'tura. M.: GU VSHEH, 2001. 608 s.
18. Kolosov V.A., Mironenko N.S. Geopolitika i politicheskaya geografiya: Uchebnik dlya vuzov. M.: Aspekt Press, 2001. 479 s.
19. Kratkij slovar' po sotsiologii / Pod obshhej redaktsiej D.M. Gvishiani i N.I. Lapina. M.: Politizdat, 1989. 479 s.
20. Lavrenova O.A. Igrы s prostranstvom // EHPistemologiya i filosofiya nauki. 2021. T. 58. № 1. S. 178–196.
21. Lefevr A. Proizvodstvo prostranstva. M: Strelka, 2015. 432 s.
22. Lyamin V.S. Geografiya i obshhestvo (Filosofskie i sotsiologicheskie problemy geografii). M.: Mysl', 1978. 309 s.
23. Manakov A.G. Geokul'turnoe prostranstvo Severo-zapada Russkoj ravniny: dinamika, struktura, ierarkhiya. Pskov: "Vozrozhdenie", 2002. 300 s.
24. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N. Ocherki po prostranstvennoj ehkonomike. Khabarovsk: IEHI DVO RAN, 2014. 272 s.
25. Moro-Defarzh F. Vvedenie v geopolitiku. M.: Konkord, 1996. 148 s.
26. Narskij I.S. Zapadnoevropejskaya filosofiya XVII veka. M.: Vysshaya shkola, 1974. 379 s.
27. Politicheskaya nauka: novye napravleniya / Pod red. R. Gudina i KH.-D. Klingemanna. M.: Veche, 1999. 814 s.
28. Prozrachnye granitsy. Bezopasnost' i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v poyase novykh granits Rossii/ Pod red. L.B. Vardomskogo i S.V. Golunova. M. - Volgograd, 2002 // Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym otnosheniyam: [sajt]. URL: <http://www.obraforum.ru/book/ chapter1.htm> (data obrashheniya: 8.01.2022).
29. Prokhorenko I.L. Prostranstvennyj podkhod v issledovanii mezhdunarodnykh otnoshenij. M.: IMEHMO RAN, 2015. 111 s.
30. Pushkareva G.V. Politicheskoe prostranstvo: problemy teoreticheskoy kontseptualizatsii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2012. № 2. S. 166–176.
31. Smirnyagin L.V. Sud'ba geograficheskogo prostranstva v sotsial'nykh naukakh // Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 2016. № 4. S. 7–19.
32. Sotsial'no-ehkonomicheskaya geografiya v Rossii / Pod obshh. red. P.YA. Baklanova i V.E. SHuvalova. Vladivostok: Dal'nauka, 2016. 326 s.
33. Ctrukturnye transformatsii i razvitie otechestvennykh shkol politologii: Nauchnoe izdanie / Pod red. O. V. Gaman-Golutvinoj. M.: Aspekt Press, 2015. 464 s.
34. Suvorova A.V. Teoreticheskie osnovy issledovaniya ehkonomicheskogo prostranstva: ehvolyutsiya podkhodov // ZHurnal ehkonomicheskoy teorii. 2020. T. 17. № 3. S. 629–642.
35. Tikhonravov YU.V. Geopolitika: Uchebnoe posobie. M.: INFRA-M, 2000. 269 s.
36. Fedorova M.M. Klassicheskaya politicheskaya filosofiya. M.: Ves' Mir, 2001. 224 s.
37. Filippov A.F. Sotsiologiya prostranstva. SPb., 2008. 285 s.
38. Fuko M. Drugie prostranstva // Fuko M. Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. M.: Praxis, 2006. CH. 3. S. 191–204.
39. TSyankov P.A. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij. M.: Gardariki, 2006. 590 s.
40. EHkspertnoe obsuzhdenie kontseptsii konstituirovaniya politicheskogo polya i politicheskogo prostranstva v Rossii / Otv. red. S.V. Patrushev, L.E. Filippova. M.: FNISTS RAN, 2017. 73 s. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Expert_discussion_18_10_2017.pdf (data obrashheniya: 15.01.2022).
41. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996. 229 p.
42. Elden S. Missing the point: globalization, deterritorialization and the space of the world // Transactions of the Institute of British Geographers. 2005. № 30. P. 8–19.
43. Harvey D. Rebel cities: from the right to the city to the urban revolution. London, New York: Verso, 2012. 187 p.
44. Laine J.P. Understanding Borders: Potentials and Challenges of Evolving Border Concepts // Borders and Transborder Processes in Eurasia / Ed. Sergei V. Sevastianov, Paul Richardson, and Anton A. Kireev. Vladivostok: Dalnauka, 2013. P. 30–44.
45. Said E.W. Orientalism. L.: Routledge & Kegan Paul, 1978. XIII, 368 p.
46. Shields R. Social Spatialization and the Built Environment: The West Edmonton Mall // Environment and Planning D: Society and Space. 1989. Vol. 7. No. 2. P. 147–164.

47. Soja E. Thirdspace. Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined places. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1996. 334 p.

Информация об авторе

Антон Александрович Киреев, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, e-mail: antalkir@yandex.ru

Information about the author

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, e-mail: antalkir@yandex.ru

Поступила в редакцию
(Received) 31.01.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 16.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 21.02.2022